

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Руслану Анатольевичу Герасименко —
актёру, режиссёру и вокалисту.

Светлому волшебнику, чьё творчество стало символом
моей студенческой молодости и даровало мне правило:
трудиться, никогда не сдаваться и верить в свои мечты.

Спасибо Вам за Вдохновение!

ПРОЛОГ

*Не ревнуй злодеям, не завидуй делающим беззаконие,
ибо они, как трава, скоро будут подкошены и, как
зеленеющий злак, увянут.*

Псалтирь, псалом 36:1-2

Лето. 1643 г. от Рождения Солнца

В воздухе пахло бедой.

Туман стелился по густому лесу. Ночная мгла спрятала фигуру в плаще, мелькнувшую среди чёрных стволов сосен. Деревья шептались между собой, судачили на понятном только им языке и с укором указывали ветвями на убегающего лиходея, будто говоря друг другу: «Глядите, братцы, все его пальцы в крови! Душегуб! Припомнят однажды боги и госпожа Судьба ему содеянное!»

Если они и правда такое обсуждали, то отрицать сказанное было бы глупо. Человек, чьи руки обагрились кровью, скрылся в чаще западного Полесья.

Посреди леса и маленьких крестьянских избёнок на поляне возвышался громадный трёхэтажный терем. Даже при тусклом лунном свете возникало ощущение, будто дом полностью залит темнотой. Именно из него и выбежал преступник. Вскоре в окнах терема замаячил огонёк свечи. Потом раздался душераздирающий вопль.

— Беда! Люди хорошие, беда! Убили! — кричала надрывно женщина. Несчастливая дворовая по имени Палашка, нянюшка господского мальчика, мчалась оповестить в первую очередь слуг и хозяина дома, отца убитой. По пухлым щекам её текли слёзы.

— Палашка, что случилось? Кого убили?! — с тревогой спросила другая молодая невольница, выйдя из комнатки. Палашка попыталась что-то сказать, но рыдания, рвавшиеся наружу, не давали ей обронить ни словечка. Крик о помощи вновь услышал весь терем. Дворовые вставали и немедленно бежали на зов. Мало ли, что там произошло? Быть может, опять хозяин лютует, опять забил до смерти очередную непокорную девку? Или его самого... Нет, об этом даже думать запрещалось!

Злую тьму коридора разогнали огни свечей канделябра. Толпа собравшихся расступилась перед паном Кривошеем Вишневецким — человеком богатым, владеющим тремя сотнями душ крестьян, ведавшим чернокожию, самоуверенным и с весьма запоминающейся внешностью, при том хромым на одну ногу. Он шёл, опираясь на трость. За ним следовал отрок. На вид внук Кривошея казался гораздо младше своих тринадцати лет. Мальчик испуганно озирался по сторонам, да так резко, что его длинные белоснежные волосы выбивались из-под тесёмки на лбу и падали на широко раскрытые от страха глаза. Кривошей подошёл к рыдающей крестьянке, схватил её за ворот рубахи:

— Какого чёрта ты разбудила меня ни свет ни заря, негодная? Почитай, мало тебя порол! Ты толком объяснить уже ничего не можешь?!

Палашка лишь закрыла лицо руками.

— Убили... дочь вашу, г-господин, уби-или! — наконец смогли услышать её невнятные слова домочадцы.

Пан отстранился. Побледнел так сильно, что чёрные глаза, выделяющиеся на мертвенно-сморщенной коже, стали походить на пустые тёмные ямы. В них можно было утонуть, заблудиться или, на худой конец, встретить свою смерть. Мальчонка, стоявший за спиной дедушки, насторожился. Ему, верно, послышалось! Или это просто дурной сон?..

— Идите к себе, Властош Ладович. Утром у вас занятия, — холодно обратился к внуку Кривошей. Голос его, звучавший хрипловато, отдавал мраком.

Однако юный панёчек, чувствуя недоброе, не послушался: дерзко оттолкнул деда в сторону и рванулся к трясущейся от слёз кормилице.

— Нянюшка! Нянюшка, родимая, скажи, что это неправда! Это ведь неправда...

Палашка погладила Властоша по светлой голове и вдруг судорожно вцепилась дрожащими руками в его сорочку.

— Милый, матушку... Пани Ладу, нашу Ладушку убили. Там... М-мёртвая лежит...

И не промолвив больше ни слова, Палашка опустила перед Властошем на колени. Ей оказалось трудно говорить, трудно дышать — страх, перемешанный с отчаянием, душил во всю силу.

— Нет... Ты лжёшь... Нет! Мама!

Кормилица попыталась обнять ребенка, утешить, но тот вырвался и, расталкивая по пути дворовых, застывших от неожиданной новости, помчался в покои матери на верхний этаж. *Нет! Такого не может быть!*

В горнице было тихо и сумрачно. Огонь в облицованной плиткой печи едва теплился. На полу лежало тело матушки. Даже мёртвая, она оставалась благородно-красивой. В нежном кружевном платье с белым поясом, с серебряными волосами, рассыпавшимися по ковру. С открытыми пустыми глазами, потерявшими сияние звёзд. Точно перламутровая раковина, слабо светился кулон в виде месяца на её шее. Из него тоже вытекала жизнь, как из раны в груди женщины. Убийца вонзил кинжал в сердце по самую рукоять.

Властош глядел на жуткую картину, качал головой. Он не желал верить в то, что видит. Он не слышал ни голоса деда, вбежавшего в горницу и отдавшего приказ разыскать лиходея, ни воплей крестьян, потерявших свою единственную защиту от жестокого господина; он просто долго её разглядывал, а затем, поняв, что больше не может стоять на ногах, рухнул на колени перед телом. Слезы катились у мальчика по щекам. Ощущение чудовищной потери сдавило сердце. *Он потерял её. Свою веру и щит. Потерял маму.* К паньчу подходили крестьяне, прося отойти от мёртвой, но Властош, сквозь плач, отталкивал каждого со словами:

— Не трогайте меня! Пошли вон отсюда! Вон, я сказал! Не прикасайтесь!

Властош Вишнецкий закрыл глаза Лады и поцеловал её в лоб. Юнца пробрала дрожь, жить дальше не хотелось. Ради чего теперь жить? И главное, ради кого?

— Живо иди в свою комнату, — раздался откуда-то сверху приказ Кριοша. Дедушка смотрел прохладно, будто мёртвая не была его собственной дочерью. Он вытащил из кармана кафтана

дорогие часы на золотой цепочке и теперь равнодушно глядел на тикающие стрелки. Глубокая ночь...

Властош, стараясь совладать с горестным криком, рвавшимся наружу из горла, встал и повернулся. В голове юного паныча болезненно билась, как раненая птица о землю, одна-единственная мысль. И он свой домysel озвучил.

— Это всё ты, — тихо, но уверенно произнёс внук тёмного чародея, сумев отвлечь его от разглядывания часов. — Это ты убил маму. Ты всегда её ненавидел!

— Щенок! — Хлёсткий удар обжёг щёку мальчика.

Дворовые ахнули.

Властош не ответил только потому, что умение терпеть было едва ли не главной наукой, усвоенной им за тринадцать лет воспитания суровым дедом. Паныч выпрямился и поднял на дедушку заплаканный, но не лишённый ненависти взгляд.

— Я узнаю, дедушка. Я найду способ узнать. И если мои домysel окажутся правдой, я тебя уничтожу...

Свирепая ярость овладела в этот момент Криошем. В гневе он занёс над внуком трость, но мальчик резко выбросил вперёд руку. Из ладони ударило сияние. Сильные чары отшвырнули пана вместе с его тростью к дальней стене. Не вовремя господин Вишнецкий-старший начал отдавать приказы внуку. Властош хоть и слыл новичком в магическом ремесле, но уже кое-что умел. И постоять за себя он сможет! Ведь он сын Искусницы, а Искусники, как известно, самые сильные волшебники, хоть на на всем белом свете их сыскать также тяжело, как, к примеру, цветные алмазы. Лада была тем самым сверкающим алмазом, за что, видно, её и убили. Только вот искусная чародейка не сумела справиться с негодяем, что пробрался к ней ночью, дабы вонзить кинжал. Что же теперь будет? Дедушка возьмётся за него, за Властоша?

Криошу встать не помогли. Он поднялся сам, тяжело дыша, прожигая чёрным взором внука. Тот презрительно встретил его взгляд, а потом отвернулся.

— Оставьте меня с матушкой, — попросил Властош. На удивление, Криош не стал препятствовать и вышел из горницы первым, злой и раздражённый. Он напоминал изголодавшегося бешеного пса, которому не давали спуска. За паном последовали его невольные люди.

Осталась только Пелагея, кормилица, которой ребёнок всецело доверял. Она опустилась рядом с ним перед телом Лады, крепко обняла мальчика, начала укачивать, будто младенца, и через мгновение чуть не оглохла от громкого горестного вопля. Вопля отчаяния, который, как могло показаться, услышала той ночью вся Славения...

Часть первая

АНАСТАСИЯ- ИСКУСНИЦА

ДОЧЬ МЕЛЬНИКА

22 года спустя...

Лето. 1665 г. от Рождения Солнца

Тринадцатый день месяца Жнивня, как теперь называли август, выдался особенно жарким.

Люди в городах и сёлах, на хуторах и в деревнях работали на износ. Они жили и трудились на поросшем лесами севере и на плодородном солнечном юге, у Поморья на западной земле шляхтичей и в Кровяных горах на востоке. Славенские народы разговаривали на разных, но похожих языках, поэтому понимали друг друга и благодаря общей земле составляли единый живой механизм. Мир, в котором они жили, словно представлял собой огромные часы, а каждое его существо — крохотную шестерёнку. Многие купцы и ремесленники в последний месяц лета готовили повозки и отправляли товары в столицу или в ближайшие слободы, где на рынках можно было получить неплохую выручку.

Как и во все времена, крестьяне жили самой обычной трудовой жизнью.

Простые люди, не понаслышке знакомые с домовыми, лешими и водяными, колдовства и чародейской науки своих господ всё же чурались. Порой матери рассказывали детям сказки, где волшебство обретало добрый облик и обязательно одолевало зло. Однако на исповеди служители храмов Единого часто отчитывали глупых баб за то, что они забивают детям головы всякой ерундой. Чудеса и творящие их волшебники, как гласила Священная Летопись, противоречили законам Божьего Слова.

Помимо суеверных старушек и безумных фанатиков, так утверждал король Леош, который, как поговаривали, сам добился

захвата Славении при помощи магии. Осторожные люди неслестно отзывались о новой власти, правда, между собой. Те, что были умнее, ругали короля — иноземца и узурпатора — только мысленно. Легче других приходилось зажиточным крестьянам, обосновавшимся близ столицы, слобод, посадов — словом, тех мест, в которых неумоимо кипела жизнь и налаживались торговые связи. Через многие поселения пролегали тракты, ведущие напрямик до столицы — Славенска.

Один из таких трактов проходил и через Южную Полесовку — вольную деревеньку, окружённую густым лесом. Она располагалась на границе юго-западной части Славении. Деревней она была маленькой, неприметной. В ней не выстроили даже часовни, потому жителям в святые дни приходилось ездить в город, чтобы посетить храм. Паломникам везло больше: свернув на земли юго-запада, из Полесовки по тракту можно было за несколько дней добрести до великого Милградского монастыря. И всё-таки жители деревеньки по-настоящему гордились тем, что рядом пролегал основной торговый путь в столицу — сердце Славении.

Чуть в стороне от деревни возвышалась ветряная мельница, редкая в этих краях. К диковинной «матушке» прилегали её «дети»: сарай, амбар, курятник, хлев и хозяйский дом. Создавалось впечатление, будто все эти постройки жили собственной загадочной жизнью. Крепкая бревенчатая изба отличалась от белых мазанок, разбросанных по Полесовке. Она выделялась, как и её обитатели, и тем больше возбуждала зависть и неприязнь деревенских. Мельник и его дочка родились далеко, на вольном севере, и свой традиционный уклад менять не стали. Отца с его девчонкой опасались, считали колдунами, но терпели из-за добротной муки, из которой получался вкусный мягкий хлеб.

С Настасьей, дочерью Мелинара, деревенские общались редко, в основном они вели дела с её отцом. Полесовцы отчаянно верили, что златовласая девушка — чародейка, так как однажды увидели чудо: Настя умудрилась исцелить человека от хвори словами. А кто умеет исцелять не молитвой, но заговором, тот способен и порчу навести. Настасья давно привыкла к одиночеству, нелепым слухам и грубым словам. Ими её награждали соседи, пусть даже ничего страшного она и не делала. Деревенским казалось странным, что девка с лёгкостью могла читать закорючки на бумаге и пересказывать бесовские сказки единственному другу — мальчику Данилке.

В тот день ребята спрятались от жалящего солнца в тени под крыльями ветряной мельницы. Друзья сидели и слушали, как скрипят тяжело вращающиеся лопасти. Они договорились почитать очередную сказку, взамен Данилка пообещал подсобить в работе.

— И вот храбрый царевич, истоптав семь пар железных сапог и обойдя тридцать земель, достиг подземного мира и очутился во владениях Аспид-Змея, что пленил возлюбленную...

Сказку для названного брата Настасья читала громко, с выражением. Шум работающего механизма внутри мельничного амбара норовил заглушить звонкий голос.

— Насть, а зачем проклятому Змею человеческая девица? — поинтересовался Данилушка.

Настасья запнулась, собралась было что-то ответить, но не успела.

— Настька! Настька-а! Где ты там, куда подевалась? — раздался зычный молодой голос. — Выходи!

— Боже, опять он! — Настасья резко захлопнула книжку со сказками.

Местный кузнец уже в который раз звал дочь мельника замуж, всячески пытался ухаживать, но тем самым лишь больше отталкивал Настасью. До смешного простой была причина её отказа: кузнеца она не любила.

— Веник мокрый принести? — озорно улыбнулся Данила, прищурившись от яркого солнца, слепящего глаза.

Горе-жених успел поднадоесть и ему. Кроме матушки, у коей своих хлопот хватало, единственная подружка теперь могла позабыть о Даниле, стоило ей пойти под венец.

— Не надо, сама с этим нахалом разберусь, — бойко ответила Настя.

Девочка побежала к дому так быстро, что пшеничные кудри выбились из косы.

Возле сруба горделиво стоял Захарий — парень высокий, загорелый, мускулистый, красавец на всю Полесовку! Сын умелого кузнеца, не просто подмастерье, а настоящий знаток своего дела! Многие девицы давно заприметили его себе в женихи, а он, каков негодяй, выбрал худощавую нелюдимую ведьму.

«Как будто девок других в деревне не сыскать!» — ворчал его недовольный отец, но Захария убедить ему не удалось. К тому же союз сына кузнеца и дочери мельника даровал бы неплохой до-